

Список сокращений

- БВ – Богословский вестник
БТ – Богословские труды
Вестник ЕДС – Вестник Екатеринбургской духовной семинарии
ВТ – Вопросы теологии
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПО – Православное обозрение
ПрТСО – Прибавления к Творениям святых отцов
РА – Русский архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РС – Русская старина
ФА – Филаретовский альманах
ХЧ – Христианское чтение
ЧОЛДП – Чтения в обществе любителей духовного просвещения

Ячменик Вячеслав Александрович

привлеченный сотрудник
Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ
РФ, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
yachmenik94@mail.ru

Метафора смерти Церкви в России начала XX века*

Аннотация: В статье анализируется возникновение и развитие метафоры смерти Церкви в русской богословской и религиозно-философской мысли начала XX в. Эта метафора получила широкое распространение и позднее, в рамках церковных дискуссий конца 1920-х гг. Рассматриваются две линии развития метафоры. Во-первых, она используется в церковно-исторических трудах, посвященных реконструкции Святейшего Синода как управляющего органа Церкви. Прежде всего это показано на материале полемики С. Г. Рункевича и П. В. Верховского. В церковной публицистике тезис о смерти Церкви развивает В. З. Завитневич. Во-вторых, параллельно метафора развивается в среде религиозных философов. Наиболее выражено о смерти Церкви заявлял Д. С. Мережковский, также критикуя церковно-государственные отношения как неприемлемую для него социальную позицию Церкви. Вскоре возникает и критическая позиция, принадлежащая С. Н. Дурылину, который предлагает богословский аргумент, согласно которому разрыв единой Церкви на «умершую» земную ее часть и «живую» небесную должен означать уничтожение всей Церкви. В статье соотносятся концепты «смерть Церкви» и «смерть Бога» – прослеживается связь этих метафор с критикой «обмирщения» церковных институтов.

Ключевые слова: русское богословие, экклезиология, секуляризация, кризис, смерть Церкви, смерть Бога

* Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (проект № 19-78-10143). Организация выполнения проекта: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Vyacheslav Yachmenik

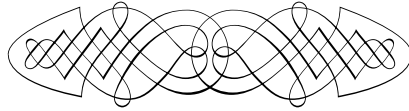
Visiting Fellow of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory,
St. Tikhon's Orthodox University
Russia, 127051, Moscow, Likhov per., 6-1
yachmenik94@mail.ru

The Metaphor of the Death of the Church in Russia in the early 20th century*

Abstract: The article analyzes the emergence and development of the metaphor of the death of the Church in Russian theological and religious-philosophical thought in the early 20th century. This metaphor also received widespread use later on in Church discussions in the second half of the 1920s. Two lines of development of the metaphor are examined. Firstly, it is used in church-historical works devoted to reconstructing the formation of the Holy Synod as the governing body of the Church. This may be illustrated above all on the basis of materials from the polemic between S. G. Runkevich and P. V. Verkhovsky. The idea of the death of the Church was developed in church publications by V. Zavitnevich. Secondly, the metaphor was developed in parallel by religious philosophers. The death of the Church was expressed most articulately by D. S. Merezhkovsky, who also criticized church-state relations as a social position that was to his mind unacceptable for the Church. Soon afterwards, a critical reaction followed from S. N. Durinlin, who put forward the theological argument that the separation of the one Church into its “dead” earthly part and its “living” heavenly counterpart must necessarily imply the destruction of the entire Church. The article concludes by briefly correlating the concepts of the “death of the Church” and the “death of God,” metaphors which, in a European context, appear to be linked to a critique of the “secularization” of church institutions.

Keywords: Russian theology, ecclesiology, secularization, crisis,
death of the Church, death of God

* The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation (Project no. 19-78-10143). The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

В России на рубеже 1920–1930-х гг. в письмах и посланиях, принадлежащих церковным людям (но не в богословских трактатах, написание которых в эпоху гонений было скорее исключением), встречается множество ярких метафор и концептов, относящихся к экклезиологии. Особенно это характерно для полемики вокруг действий митр. Сергия (Страгородского) в 1927 г., направленных на выстраивание диалога Российской Церкви с советской властью. Но, как правило, эти языковые единицы отделяются от предшествующего им контекста, в котором они возникли, поэтому их значение теряет изначальный смысл¹. Именно так проводится водораздел объединенного одним поколением поля богословских высказываний, содержание которых может, конечно, трансформироваться за счет наслоения новых коннотаций.

Одной из таких метафор эпохи гонений, которую мы бы хотели соотнести с богословской мыслью дореволюционной эпохи, является метафора смерти Церкви. Прежде всего она встречается в текстах наиболее радикальных групп оппозиции митр. Сергию, лидеры которых заявляли о безблагодатности таинств тех, кто находится в подчинении Московской патриархии. В текстах, публиковавшихся в первые годы после известной «июльской» Декларации, они говорили о внутреннем разложении тех, кто ее под-

¹ Иную картину можно видеть, например, когда устойчивые выражения богословов эпохи гонений рассматриваются в контексте концептов дореволюционной эпохи. См., напр., о «внешнем декоруме» у сщмч. Дамаскина (Цедрика) выражение, восходящее к И. С. Аксакову: Ермилов П., свящ. Образ Церкви в творениях священномученика Дамаскина (Цедрика) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 75. С. 32. Так, и яркое выражение сщмч. Сергия Мечева «богослужебно-покаяльная семья» относится к наследию его университетского учителя С. И. Смирнова (см.: Хондзинский П., прот. Богословские портреты: Очерки святоотеческого богословия Синодальной эпохи. М., 2021. С. 288–303).

держивает, с помощью слова «гниение»². В пока точно не атрибутированном документе «Апология отошедших» (текст 1928 г. возник в среде петроградских непоминающих³) «сергианство» обозначается как «труп, гниющий, распадающийся, как за последнюю скрепу держащийся за свой костяк, за свое внешнее единство»⁴. Мы видим, что употребление метафоры посмертного разложения применяется по отношению к внешнему в Церкви, но такой сильный образ при этом говорит не о физической, а о духовной смерти⁵.

I

При всей кажущейся смелости и новизне, концептуальные истоки метафоры смерти Церкви кажутся прозрачными и уходят в контекст эклезиологических идей начала XX в. Утверждение

² У еп. Дамаскина (Цедрика) говорится о «гнили и духовно омертвевшей части» (см.: Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009. С. 265). См. также фразы из «Сборника митрополита Сергия»: «гниль Сергианских деклараций» (ГА РФ. Ф. Р-5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 104); «гниющее или почти сгнившее достигает полноты тления» (Там же. Л. 173 об.). О сборнике см.: Косик О. В. М. А. Новоселов и сборник «Дело митрополита Сергия» // Она же. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2013. С. 175–176; Ячменик В. А. Институциональный аспект эклезиологии митрополита Сергия (Страгородского) и его критика в сборнике «Дело митрополита Сергия» // Вестник ЕДС. 2021. № 34. С. 92–108.

³ См. несколько предположений об авторстве документа: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы: Жизнеописания и документы / сост. Л. Е. Сикорская. М., 2008. С. 266.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ В таком фокусе эта метафора близка идее «темного двойника» Церкви, которую мы находим у С. И. Фуделя (см.: Черепанов Д. Д. От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»: рецепция идей Братства Святителей Московских в творчестве С. И. Фуделя // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 37–51). Далее можно было бы и соотносить эти идеи, и искать близкие им в отечественной и зарубежной мысли.

о смерти Церкви появляется как своего рода метафора секуляризации, которую вполне можно соотнести с утверждением о смерти Бога – тезисе об уходе христианства из мира. Как известно, эта идея развивалась задолго до Ф. Ницше, объявившего в 1882 г., что событие смерти Бога «отбрасывает теперь свою тень на Европу», т. е. распространяется на область государственной, общественной и религиозной жизни⁶. Еще с начала XIX в. немецкие мыслители говорили о «смерти Бога» как об обрушившейся на них из-за политических кризисов секуляризации жизни⁷. В России критика «обмирщения» начинает активно развиваться на рубеже XIX и XX вв.⁸, и, видимо, именно она способствует возникновению метафоры смерти Церкви.

Идея обмирщения прежде всего обнаруживает себя в контексте критики влияния государства на Церковь. На рубеже эпох эта идея была связана с противопоставлением «оживляющей» церковную жизнь соборности и «мертвящей» коллегиальности синодальной системы⁹. В этой связи распространяется и критика

⁶ Ницше Ф. Веселая наука / пер. с нем. К. А. Свасьяна // Собрание сочинений: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 662.

⁷ Josephson-Storm J. A. The Myth of Disenchantment. Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences. Chicago, 2017. P. 74–76.

⁸ Antonov K. “Secularisation” and “Post-Secular” in Russian Religious Thought: Main Features // Beyond Modernity: Russian Religious Philosophy and Post-Secularism / ed. A. Mrówczyński-Van Allen, T. Obolevitch, P. Rojek. N. Y., 2016. P. 25–38. Видимо, в отечественной мысли развитие критики обмирщения связано было с представлениями о духовном кризисе: Черный А. И. Понятие «кризиса священства» в католическом богословии XX века // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 6 (68). 2016. С. 112–127; Кольцов А. В. «Духовный кризис» начала XX в.: от философских к религиозным интерпретациям // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 79–88.

⁹ Одним из первых об этом писал прот. А. Иванцов-Платонов (см.: Ячменик В. А. Концепция соборности и проблема церковного авторитета в русском богословии конца XIX – начала XX века // ВТ. 2021. Т. 3, № 4. С. 540–541). Но вскоре эта оппозиция становится устойчивой и встречается даже среди епископата Российской Церкви в их известных «отзывах» 1905 г. о церковной реформе (см.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 т. / вступ. ст. А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев. М., 2004. Т. 1. С. 469; Там же. Т. 2. С. 154, 674).

архиереев петровской эпохи за их согласие с намерениями императора реформировать модель церковного управления¹⁰. В 1903 г. С. Г. Рункевич (1867–1924), обер-секретарь Святейшего синода и его апологет, в своих исследованиях, пытаясь отвести критику исследователей от «молчания» епископата в эпоху Петра I, предлагает такую дилемму: либо архиереи действительно поддерживали церковные реформы императора, либо учреждение Синода есть именно «духовная смерть Церкви»¹¹. Фраза Рункевича, хотя и была направлена на защиту Синодального устройства (ведь как можно свидетельствовать о смерти Церкви?), по всей видимости, была подхвачена и распространена в совершенно обратном значении.

Уже в апреле 1905 г. выходит статья профессора Киевской духовной академии В. Завитневича (1853–1927), который описывал последствия церковно-государственных отношений в терминах кризиса церковной жизни, предваряя их фразой, что «государственное начало», которым проникнут Святейший Синод, есть «смерть для церкви»¹²:

Горе тому обществу, где смерть считается жизнью, где мертвый труп не умеют отличить от живого тела! И если мы не сознаем своего основного греха и не покаемся в нем, то горе нас несомненно постигнет¹³.

Если Завитневич, скорее, апеллирует к распространенной фразе Ф. М. Достоевского «Церковь в параличе с Петра Великого» (еще

¹⁰ П. Верховской, к которому мы перейдем ниже, утверждает, что для большинства исследователей Синодальной реформы ее последствия были отрицательными, в связи с чем под критику подпадал епископат, одобрявший реформу (см.: Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: в 2 т. Ростов н/Д, 1916. Т. 1. С. СXXXIV).

¹¹ Рункевич С. Г. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. 1903. № 4. С. 621.

¹² Завитневич В. О восстановлении соборности в русской церкви [1905 г.] // Православная община. 1998. № 3 (45). С. 90. Этим примером мы обязаны Г. М. Запальскому; в его готовящейся публикации, посвященной понятию «синодальный режим», статья Завитневича будет рассмотрена в контексте критики синодальной системы управления Церкви.

¹³ Там же. С. 93.

одна биологическая метафора)¹⁴, то другой церковный историк, П. В. Верховской (1879–1943), прямо будет откликаться на слова Рункевича.

В своем исследовании 1916 г. Верховской утверждает, что «иерархия, тем более одной какой-либо поместной Церкви, еще не исчерпывает собою всей Церкви, которая догматически действительно “бессмертна”», поэтому «если бы это и было так, то историку не оставалось бы ничего более, как констатировать смерть»¹⁵. Смертность относится, с точки зрения автора, исключительно к одной из земных частей Церкви, но не ко «всей Церкви», однако важно, что понимает он ее (смерть) в фокусе «обмирщения», поскольку речь идет о влиянии государства на Церковь.

II

Упомянутая статья Завитневича выходит в «Церковном вестнике» (в это время рупор церковного обновления и реформ¹⁶), после нее публикуется известная записка «О необходимости перемен в русском церковном управлении», под которой подписались столичные священники (вошла в историю как «Записка 32-х священников») с уже вполне определенными намерениями к действиям по «воскрешению» Церкви¹⁷.

¹⁴ М. Стейнберг показывает, как социальная нестабильность (в качестве примера он рассматривает рост числа самоубийств в России и их освещение в петербургской прессе) вынуждает говорить о своем времени с помощью образов болезни и смерти (см.: Steinberg M. D. Petersburg Fin de Siècle. New Haven; L., 2011. P. 268). См. также главу в его книге о понятии смерти как одной из ключевых категорий описания городской культуры Петербурга на рубеже веков (Ibid. P. 119–156).

¹⁵ Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. С. СXXXVII.

¹⁶ См.: Воронцова И. В. «Церковный вестник» 1906–1907 гг. как журнал «реформационного движения» в Русской Церкви // ХЧ. 2019. № 5. С. 222–236.

¹⁷ См. подробнее: Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М., 2014.

Реформаторская программа, заявленная в записке священников, привлекает внимание Д. С. Мережковского (1865–1941). В статье «Теперь или никогда» (впервые опубликована в мае 1905 г.), солидаризируясь с намерением, заявленным священниками, он радикализирует их тезис о церковном кризисе и утверждает, что «учреждением св. синода и отменой патриаршества Петр нанес или желал нанести церкви, как живому телу, отдельному от государства, *смертельный удар* (курсив мой. – В. Я.)»¹⁸. В 1906 г., развивая этот тезис, Мережковский предлагает своего рода формулу церковно-государственных отношений: «жизнь Церкви – смерть Государства, жизнь Государства – смерть Церкви»¹⁹. С одной стороны, радикальный и по сути анархический тезис автора о смерти Церкви связан с его теократической идеей, в соответствии с которой власть будет принадлежать не светским или религиозным лидерам, но исключительно Христу²⁰. С другой стороны, важна отсылка Мережковского к текстам, возникшим в церковной среде, благодаря которой к единому знаменателю приходят эти авторы. Таким образом, метафора получает более широкое распространение.

Но вскоре, когда эта риторика развивается, возникает и ее критика. Восходит она к представителю «церковной интеллигенции»²¹ С. Н. Дурылину (1886–1954). В широко известном и распространенном тексте «Церковь невидимого града» (написан в 1913 г. и опубликован годом позже)²² мы обнаруживаем такое высказывание:

¹⁸ Мережковский Д. Теперь или никогда: О церковном соборе. М., 1906. С. 8.

¹⁹ Мережковский Д. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). СПб., 1906. С. 48.

²⁰ Подробнее о теократических взглядах Мережковского см.: Coates R. Deification in Russian Religious Thought: Between the Revolutions, 1905–1917. Oxford, 2019. P. 82–109.

²¹ Об этом феномене рубежа эпох см.: Винюкова Н. В. Русская «интеллигенция» рубежа XIX–XX веков: от светского канона к церковному // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. VI. № 1. С. 65–88.

²² См. как о тексте, так и об идее «града Китежа»: Резвых Т. Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2015. № 3 (59). С. 83–118; Михайловский А. В. Незримый град Руси как социально-филосо-

Жизнь видимой Церкви есть таинственное общение с Христом, ощущение в себе, как в теле, Христа, как души, проявляемое прежде всего в таинствах. Если душа Церкви – «другая душа», – значит, таинства, как проистекающая благодать, прекратились, ибо не могут идти от «другой души», и таким образом Церковь Небесная уже бессильна помогать земной (допустила же Другого вселиться в нее!); но бессилие Небесной Церкви в этом – бессилие во всем, смерть Церкви, и небесной, как и земной, *всей* Церкви²³.

У С. Н. Дурылина утверждение о «смерти Церкви» связывается с антицерковной риторикой. Автор упоминает не только Д. С. Мережковского, но и В. В. Розанова (1856–1919), утверждая, что для них Церковь «зловонна и угарна... расслаблена и гнойна без надежды исцеления»²⁴. Для первого из упомянутых, с точки зрения Дурылина, на месте православия есть лишь «труп Церкви» (наиболее близкое понятие послереволюционной «Апологии отошедших»)²⁵. Эта цитата показывает также, в рамках каких эkkлeзиологических представлений могла возникнуть метафора смерти Церкви. Дурылин исходит из того, что у Церкви есть «небесная» и «земная»/«видимая» части, но подразумевает, что их разрыв прямо ведет к смерти «всей Церкви», поэтому для него характерна идея «нераздельности и единства Церкви», относимая к ее двум сторонам²⁶.

* * *

Вскоре после революции в России, когда взаимоотношения Церкви и государства радикально усложняются, метафора смерти Церкви теряет свой критический потенциал (который характерен еще для «Апологии отошедших») и обозначает, скорее, муче-

софская категория (на материале «Церкви невидимого града» С. Н. Дурылина) // Единство Церкви в Предании, истории и современности: материалы научной конференции. М., 2021. С. 121–131.

²³ Дурылин С. Н. Церковь невидимого града. Сказание о Граде Китеже // Он же. Статьи и исследования 1900–1920 годов / ред. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб., 2014. С. 113. Курсив в оригинале.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 114.

ничество. Так, в 1930-х гг. у свящ. Сергия Сидорова, который был близким другом Дурылина, мы находим такое высказывание:

Среди умирающего дня вдруг возник торжественный праздник, когда топазовые лучи умирающего дня сияли в радостных переливах стеклянных брызг от свежего ветра. И глядя на закат, на торжество предсмертного солнца, я думал, не так ли умирает Русская Церковь...²⁷.

В этом фрагменте личных воспоминаний осмысливается ситуация, в которой критика обмирщения ставится невозможной, поскольку сам объект критики сходит с исторического горизонта. Как кажется, в таком фокусе на уровне общих идей, артикулированных «правой» оппозицией митр. Сергию (Страгородскому), метафора смерти активно использовалась, но это требует отдельного исследования²⁸.

Заключение

Попробуем, подводя итоги, соотнести экклезиологические идеи начала века и периода 1920–1930-х гг. Если рассматривать пред- и постреволюционные периоды как единое поле богословских высказываний, можно назвать общие для богословов этого времени ходы мысли. Общей для них кажется критика идеи Церкви как института. Если в начале XX в. «смертью» Церкви обозначались последствия союза земной ее части с государством, приведшего к обмирщению, то в первом послереволюционном десятилетии

²⁷ Записки священника Сергия Сидорова с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В. С. Бобринской. Изд. 2. М., 2019. С. 149.

²⁸ Надеемся, что этот вопрос станет предметом дальнейших исследований. Предварительно можно указать на послания «Пора готовиться» и «Знаменательный сон» (апрель 1929 г. и после него) сщмч. Дамаскина (Цедрика), а также на «Шестое письмо общине из ссылки» (1933 г.) сщмч. Сергия Мечева и др. Как кажется, эти тексты необходимо также прочитывать в апокалиптическом ключе: Beglov A. Eschatological Expectations in Post-Soviet Russia: Historical Context and Modes of Interpretation // *Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy* / ed. K. Tolstaya. Leiden and Boston, 2014. P. 106–133.

(опять же из-за разного понимания церковно-государственных отношений) речь идет о духовной смерти институциональной части Церкви. Поэтому по своей стратегии использования метафора смерти Церкви в русской мысли относится к кризисной риторике, направленной против церковных институтов.

В итоге можно говорить о том, что коннотации метафоры смерти Церкви менялись в зависимости от контекста, и степень «выразительности» этой риторической единицы постепенно повышалась. Ее изменения можно охарактеризовать как своего рода историю болезни: от «паралича» Церкви метафора развивается к «смерти». При этом поставленный диагноз хронологически совпадает с отменной цензурой в 1905 г. – с точкой, в которой критика обмирщения Церкви находит свое выражение в метафоре смерти. В рамках этой критики «смерть Церкви» кажется близкой «смерти Бога», что позволяет отнести их к общему культурному контексту. Но в ситуации эпохи гонений вскоре речь шла уже о тотальном уничтожении Церкви, поэтому заметным становится переход от метафоризации смерти к восприятию «смерти Церкви» как мученичества.

Список литературы

1. Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М., 2014.
2. Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: в 2 т. Ростов н/Д., 1916.
3. Винюкова Н. В. Русская «интеллигенция» рубежа XIX–XX веков: от светского канона к церковному // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 65–88.
4. Воронцова И. В. «Церковный вестник» 1906–1907 гг. как журнал «реформационного движения» в Русской Церкви // ХЧ. 2019. № 5. С. 222–236.
5. Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / ред. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб., 2014.
6. Завитневич В. О восстановлении соборности в русской церкви [1905 г.] // Православная община. 1998. № 3 (45). С. 88–96.
7. Записки священника Сергия Сидорова с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В. С. Бобринской. Изд. 2. М., 2019.

8. Ермилов П., свящ. Образ Церкви в творениях священномученика Дамаскина (Цедрика) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 75. С. 28–47.
9. Кольцов А. В. «Духовный кризис» начала XX в.: от философских к религиозным интерпретациям // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 79–88.
10. Косик О. В. М. А. Новоселов и сборник «Дело митрополита Сергия» // Она же. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2013. С. 169–185.
11. Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009.
12. Мережковский Д. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). СПб., 1906.
13. Мережковский Д. Теперь или никогда: О церковном соборе. М., 1906.
14. Михайловский А. В. Незримый град Руси как социально-философская категория (на материале «Церкви невидимого града» С. Н. Дурылина) // Единство Церкви в Предании, истории и современности: материалы научной конференции. М., 2021. С. 121–131.
15. Ницше Ф. Веселая наука / Пер. с нем. К. А. Свасьяна // Он же. Собрание сочинений: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 491–719.
16. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 т. / ред. прот. В. Чаплин и др. М., 2004.
17. Резвых Т. Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2015. № 3(59). С. 83–118.
18. Рункевич С. Г. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. 1903. № 4. С. 619–631.
19. Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы: Жизнеописания и документы / сост. Л. Е. Сикорская. М., 2008.
20. Хондзинский П. В., прот. Богословские портреты: Очерки святоотеческого богословия Синодальной эпохи. М., 2021.
21. Черепанов Д. Д. От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»: рецепция идей Братства Святителей Московских в творчестве С. И. Фуделя // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 37–51.
22. Черный А. И. Понятие «кризиса священства» в католическом богословии XX века // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 6 (68). 2016. С. 112–127.
23. Ячменик В. А. Институциональный аспект экклезиологии митрополита Сергия (Страгородского) и его критика в сборнике «Дело митрополита Сергия» // Вестник ЕДС. 2021. № 34. С. 92–108.

В. А. Ячменик. Метафора смерти Церкви в России начала XX века

24. Ячменик В. А. Концепция соборности и проблема церковного авторитета в русском богословии конца XIX – начала XX века // ВТ. 2021. Т. 3. № 4. С. 537–552.
25. Antonov K. “Secularisation” and “Post-Secular” in Russian Religious Thought: Main Features // *Beyond Modernity: Russian Religious Philosophy and Post-Secularism* / ed. A. Mrówczyński-Van Allen, T. Obolevitch, P. Rojek. N.Y., 2016. P. 25–38.
26. Beglov A. Eschatological Expectations in Post-Soviet Russia: Historical Context and Modes of Interpretation // *Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy* / ed. K. Tolstaya. Leiden; Boston, 2014. P. 106–133.
27. Coates R. Deification in Russian Religious Thought: Between the Revolutions, 1905–1917. Oxford, 2019.
28. Josephson-Storm J. A. *The Myth of Disenchantment. Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences*. Chicago, 2017.
29. Steinberg M. D. *Petersburg Fin de Siècle*. New Haven; L., 2011.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ

Ячменик В. А. Метафора смерти Церкви в России начала XX века // Филаретовский альманах. 2022. Вып. 18. С. 221–233.

Yachmenik, V. (2022) “Metafora smerti Cerkvi v Rossii nachala XX veka” [The Metaphor of the Death of the Church in Russia in the early 20th century]. *Filaretovskii al'manakh*, 18, pp. 221–233.

Подписано в печать 08.11.2022. Формат 60x90/16.

Объем 14,8 п. л. Тираж 100 экз.

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 236

E-mail: izdat@pstgu.ru

pub.pstgu.ru

Отпечатано в ООО «Клуб Печати»

127018, Москва, Марьиной роши 3-й проезд, д. 40, стр. 1, офис 32

Заказ № 3106.